

Мемуары выходца из Нижней Бретани (отрывок)

Жан-Мари Дегине родился 19 июля 1834 года в Бретани в очень бедной деревенской семье. В возрасте десяти лет он начал бродяжничать и жил на подаяния. Самостоятельно выучился писать и читать. В 1854 году Жан-Мари поступил на воинскую службу. Он повидал мир: Дегине участвовал в Крымской кампании (1855–1856 гг.), в Итальянской кампании (1859–1860 гг.), в миссии в Алжире (1862–1865 гг.), в военной экспедиции в Мексику (1866–1868 гг.), совершил паломничество в Иерусалим в 1856 году. Годы, проведенные в армии, были также годами его учебы. Он многому научился у своего первого учителя-сослуживца из Камышовой бухты, он многое узнал, беседуя с интересными людьми, читая книги, посещая театры. Он сам сформировал себя. По свидетельству его современников, к 35 годам это был высокообразованный крестьянин, изысканный на изысканном французском языке.

После армии Дегине купил ферму, успешно вел хозяйство, но был разорен из-за своих политических убеждений. Он нищенствовал и писал воспоминания о своей прошлой жизни. В 1904 году были опубликованы его «Мемуары». Пришла слава, но слишком поздно. После тяжелой болезни 29 августа 1905 года Жан-Мари Дегине скончался. Он похоронен в Кампере (Бретань). Его мемуары — один из бестселлеров во Франции. Они написаны ярким, правдивым, живым языком простого «маленького человека», далекого от политики, званий и чинов.

Геннадий Беднарчик

<...>

В это время повсюду ходили противоречивые слухи о Севастополе: одни говорили, что город уже взят, другие утверждали, что французская армия потерпела поражение, полностью разбита и мы вскоре отправимся на замену убитых.* К 10 августа пришел приказ о том, что все лионские полки должны поставить определенное количество людей, чтобы заполнить брешь, созданную русскими ядрами и пулями, в рядах Крымского контингента. Сначала, следовало вызвать добровольцев, а, в случае недостатка, прибегнуть к жребию.

К моему большому удивлению, недостаток в добровольцах все-таки обнаружился, несмотря на то, что уже давно среди солдат раздавались громкие просьбы к начальству отправить их в Севастополь, хотя бы даже ради того, чтобы избавиться от тирании Каstellане.** Однако, как только наш сержант вошел к нам в барак и начал вызывать добровольцев, никто не произнес ни слова; я вызвался первым и после меня сержант нашел еще шестерых. А нужно было около тридцати. Стали тянуть жребий... Такое происходило во всех ротах и только в шестой обнаружилось достаточное количество добровольцев. В моей роте я услышал все те же замечания от своих сослуживцев: ты, мол, молокосос, еще слишком молод для того, чтобы идти под ядра и пули, да еще в условиях губительного климата Востока, от которого погибают еще больше, чем от ядер и пуль.

* Речь идет о лете 1855 года. В начале повествования наш герой пока еще проходит военную службу в одной из частей близ Лиона во Франции. (Здесь и далее примечания переводчика).

** Генерал Виктор де Каstellане, командующий Лионской армией. Жестко обучал солдат воинскому делу.

И вот одним воскресным вечером мы покинули лагерь Сатонэй, чтобы сесть на поезд Лион-Марсель. Полковник произнес перед нами речь. Он сказал, что очень сожалеет о том, что его самого не призвали на войну командовать нами, что нас будут сопровождать его наилучшие пожелания, что, несмотря на смену полка, мы остаемся солдатами Франции, что новое полковое знамя, хотя и с другим номером, является знаменем чести и славы. Наш старый полковник плакал, говоря нам эти последние слова напутствия...

Марсель представлял собою любопытное зрелище, по крайней мере для меня. Здесь впервые в жизни я наблюдал все образцы человеческих рас: черные, белые, желтые; все виды одежды, в которую облачаются в разных странах и разных климатах; я слышал все языки и наречия мира, и все эти люди ходили, бежали, семенили, шумели, жестикулировали, как пьяные или сумасшедшие. В этом разноцветном муравейнике были те, кто меня интересовал больше других, — солдаты, возвращающиеся из Севастополя: в рваных, штопанных штанах, в изношенных шинелях землистого цвета, в помятых фуражках, некоторые с забинтованной головой или рукой, другие на костылях с деревянной ногой. Я говорил сам себе: «Вот в каком виде возвращаются оттуда, если вообще возвращаются». Хозяин, у которого мы с приятелем ночевали, ожидая посадки на судно, говорил нам, посмеиваясь, как это делают южане: «Да, черт побери, я видел солдат безногих и безруких, вернувшихся оттуда, но ни разу не встречал вернувшихся без головы...»

23 августа, как раз в годовщину моего призыва, мы погрузились на борт английского транспорта «Ливерпуль». Это был парусник, но его буксировало паровое судно, на борту которого находилось еще одно подразделение из Лиона. Погрузившись в десять утра, мы отплыли только к пяти часам вечера. В момент отплытия все столпились на палубе, начали махать фуражками, платками и кричать: «Да здравствует император! Да здравствует Франция! Прощай, Франция!» Некоторые плакали, другие пели...

Англичане уже дважды подали нам превосходную еду: белые галеты, намного лучшего качества, чем французские, мясо и хорошее вино. Поэтому слышались возгласы: «Да здравствуют англичане!»

Час спустя после отплытия, когда суда вышли в открытое море и волны начали нас укачивать, песни прекратились. Начали бегать от левого борта к правому или в туалет, возвращая все, что мы съели за день.

Эта была та самая знаменитая морская болезнь, о которой я так много слышал. Мгновение спустя мы стали похожи на мертвецов: бледные, деформировавшиеся, как у трупов, лица; молча, грустно и подавленно смотрели мы друг на друга. Англичане исподтишка посмеивались над нами: «И это те, кто хочет овладеть Севастополем!»

На следующее утро почти никто не пришел на завтрак. Мы были распределены по восемь человек за столом. Нас было только трое на завтраке, а пили и ели мы за восьмерых! Мы поделили кофе, а ромом наполнили свои фляжки. Только через два дня большинство начало приходить в себя <...>

Прибыли в Константинополь. Согласно мнению поэтов, художников и всех любителей прекрасной природы, нет более чудесного вида, чем вид Константинополя со стороны рейда. Не будучи ни поэтом, ни художником, ни крупным знатоком прекрасной природы, больше всего я восхищался всеми этими белыми домиками, этими соборами, этими минаретами и деревьями с низко опущенными ветвями, отражающимися в морской воде. Мы плыли без остановки. Набережные были полны народу, на три четверти состоявшим из солдат-турок, молча провожающих нас взглядом, несмотря на то, что мы кричали изо всех сил: «Да здравствуют турецкие солдаты! Да здравствует Франция! Да здравствует император! Да здравствует султан! Севастополь будет наш!» Без сомнения, они нас не слышали. Среди нас были некоторые, которые

возмущались: «Что за сборище придурков! Эти идиоты ничего не понимают! А ведь именно за них мы отдаем свои жизни!»

Между тем, наши суда плыли вперед и вскоре мы прошли Босфор. Теперь мы находились в Черном море. Старые моряки говорили мне, что Черное море действительно черно, как чернила, что оно плохо пахнет и сообщается с адом. Эти морские байки тех, кто никогда не видел Черного моря, пришли мне сейчас на ум; я инстинктивно наклонился к воде и убедился в том, что это море не чернее Средиземного. Вся разница заключается лишь в том, что в Черном море не отражаются утопающие в зелени дачи Мраморного моря, Дарданелл и Босфора. Несмотря на то, что сегодня это море не гневало, все же большие волны ставили на дыбы наш корабль, мешая пароходу двигаться вперед. Таким образом, мы почти стояли на месте. На следующий день горизонт все еще был чист, мы все так же медленно плыли вперед. Килевая качка была сильна, поэтому еще многие не отошли от морской болезни.

Следующей ночью, не знаю в котором часу, я проснулся от большого шума на палубе. Я поднялся, думая об очередном несчастном случае, и увидел, что все стоят и смотрят в одну и ту же сторону. Я присоединился к ним. Моему взору предстало ни с чем не сравнимое зрелище. Оно напомнило мне мои детские мечты, связанные с рассказами моего отца о военных сражениях. Перед нами простиралось огромное красноватое пространство, над которым пролетали, описывая изогнутые линии, огненные шары. Еще одни, более светлые и более быстрые, летели почти по прямой линии. Наконец, послышались крики англичан: «Себастопоул! Себастопоул!» Значит, там находится Севастополь. Это красноватое пространство — горящий город, а эти огненные шары — ядра и бомбы. В моих прошлых сновидениях я, казалось, уже видел эту картину, поэтому все это было как бы продолжением сна, тем более, что до нас не доходило ни звука. Так, стоя, мы и созерцали это зрелище вплоть до рассвета. Море было спокойным, и эмоции от увиденного полностью прогнали морскую болезнь. Все хорошо пообедали.

Штурм

К двум часам дня корабль пристал к берегу у огромного скопления деревянных барачков. Это была Камышовая бухта, место дислокации французских войск. После полуденного супа мы все в суматохе разбирали свои вещмешки и ружья, складированные в трюме корабля. Поэтому сразу по прибытии в порт мы были уже готовы к высадке, но оставалось еще одно принятие пищи на борту корабля, и наши добрые друзья-англичане, зная, что у нас еще пока нет аппетита, раздали нам холодное мясо, галеты и вино, чтобы мы могли все это взять с собой. После раздачи провизии мы спустились в большие шаланды, и турки переправили нас на сушу, на которую мы не ступали вот уже две недели. Ступив на землю, я увидел офицеров и унтер-офицеров 26-ого пехотного полка, в который мы должны были влиться. Я заметил одного с погонами младшего лейтенанта на солдатской шинели. Унтер-офицеры носили порванные штаны, шинели и фуражки непонятно какого цвета; у всех были загорелые лица. По сравнению с ними мы выглядели намного свежее и лучше экипированными. Увы! Сколько еще времени мы сохранимся в таком хорошем состоянии? Многие так и не вернутся домой, чтобы ответить на этот вопрос. Нас выстроили в ряд, и я был немало удивлен, видя унтер-офицеров с нашими списками в руках, делающих переключку, как будто мы уже числились в 37-ой роте. Каким образом наши имена попали в этот список еще до нашего прибытия? Я тогда еще не знал, что маленький почтовый пароходик, курсировавший между Марселем и Севастополем, прибыл в Камышовую бухту еще неделю назад и привез списки ожидаемого пополнения. После переключки мы

направились в наш лагерь. Пройдя через деревянный городок Камышовой бухты, мы оказались в виду бесконечной линии палаток, тянущейся справа от нас. Вскоре нам повстречались редуты, ретраншементы и параллели, сооруженные для осады города. Повсюду были разбросаны ядра, осколки, целые или разорвавшиеся бомбы, обрывки патронтажей и поясов. На плоскогорье стоял воздушный телеграф, огромные руки которого, не переставая, двигались, создавая разного рода геометрические фигуры. Наш новый полк располагался чуть левее этого телеграфа. По прибытии в лагерь, нас проинспектировали полковник и другие командиры, затем каждый капитан взял своих людей и повел их в свою роту, где мы были распределены по отделениям. Из-за своего маленького роста я попал в последнее восьмое отделение, где до нашего прихода оставалось всего четверо рядовых и капрал. Мы довели количество людей в этом отделении до десяти. Не были еще съедены продукты, выданные нам англичанами на борту судна. Но прежде чем приступить к еде, мы постарались добыть два литра водки, чтобы выпить за встречу с бывалыми, которые, в свою очередь, расскажут нам о всех тяготах войны.

Наступила ночь. Канонада не утихала. Капрал посоветовал нам с помощью водки сделать пунш: сахар он добудет сам. Как только мы выпили несколько глотков пунша, бывалые слегка оживились и сказали нам, что всю прошлую ночь и половину следующего дня они провели в траншеях. Такое случалось раз в две ночи, кроме того, частые тревоги во время редких часов отдыха. Капрал нам сказал, что уже давно поговаривают о штурме, который до этого безуспешно предпринимался два или три раза. В то время, как мы слушали наших товарищей под аккомпанемент пушек, в палатку вошел сержант нашего взвода. Он хотел увидеть своих новых подчиненных и занести наши имена в свою личную записную книжку. Еще оставалось немного пунша, и он выпил вместе с нами, заявив: «Мои бедные друзья, я думаю, вы прибыли как раз во время: я только что узнал от аджудана о том, что завтра будет штурм.» «Тем лучше, — сказал один из нас, маленький парижанин, — завтра у нас будет боевое крещение. А пока, пусть этот пунш не достанется русским! Выпьем за 26-ой полк!»

Не так уж давно прибыли наши бывалые в Севастополь. Их доставили сюда так же, как и нас, чтобы заполнить брешь в полку после штурма Малахова кургана 18 июня. Уже давно в 26-ом не осталось ни одного из тех, кто первыми прибыли сюда...

Наконец, каждый из нас, сморенный сном, растянулся на земле, подложив под голову свой вещевой мешок и обхватив руками, на случай тревоги, свою «жену», то есть ружье: канонада не утихала. На следующий день нас разбудила «мамаша Мишель», мелодия, к которой мы привыкли, находясь еще в лагере Сатонэй. Сразу же нас построили, разделили на связки, и мы вернулись в наши палатки выпить кофе, размолотый ударами прикладов. Нам посоветовали никуда не отлучаться. Раздали галеты худшего качества, чем английские. Мгновение спустя раздался крик: «В ружье! Все в связки!» Некоторые ветераны приговаривали: «На этот раз как раз вовремя, сегодня мы посмеемся, берегитесь, русские!» Наш старший сержант, как и все остальные сержанты, был вызван для получения приказа. Когда он вернулся, мы встали в круг и он зачитал нам речь генерала Пелисье, где действительно говорилось о том, что мы должны, наконец, нанести решающий удар по царской армии, что генерал верит в смелость и храбрость своей армии, так же, как и армия может полностью доверять генералу. Это обращение закончилось, как всегда, возгласами: «Да здравствует император! Да здравствует Франция!» Со всех сторон слышалось: «Ура! Севастополь будет наш!»

Русские хорошо слышали наши крики. У них тоже в этот момент держали речи. Им говорили, что они, наконец, покончат с этой союзнической армией, сбросив ее в море или захватив в плен. Они так же, как и мы, замечательно кричали: «Ура! Да

здравствует Россия! Да здравствует царь! Французы, англичане и пьемонтцы будут наши!» Было около девяти часов утра. Солнце весело светило. Я помню, что это было 8 сентября, день большого праздника в Нижней Бретани, праздника богоматери Кердево, вылечившей меня когда-то от лихорадки. Несмотря на то, что с тех пор религиозный пыл мой слегка поубавился, я все же обращаюсь сейчас к этой доброй женщине, которая поможет мне выжить в предстоящих ужасах.

Началось движение. Мы подошли колоннами к самим траншеям. Здесь мы остановились. С этого места открывалась панорама Севастополя, Малахова кургана, рейда, французских, английских и пьемонтских войск. У воздушного телеграфа было видно большое скопление гражданских лиц, мужчин и женщин, прибывших, без сомнения, издалека, чтобы присутствовать на последнем акте разыгрывающейся драмы, как когда-то римляне спешили в Коллизей насладиться зрелищем схватки рабов с дикими зверями.

Пушки молчали с самого утра. Кругом стояла такая тишина, которой, по утверждению ветеранов, не было очень давно. В этой тишине было что-то мрачное и ужасное, заставляющее сердца гулко стучать. Вдруг со стороны Малахова кургана послышался выстрел; почти в ту же секунду над нашими головами рикошетом от траншеи пролетело ядро. Мы пригнули головы, приветствуя этот страшный снаряд. Ядро, не причинив вреда, врезалось в кучу тысяч других таких же ядер, заполонивших овраги. Это был сигнал к действию. Мгновение спустя земля содрогнулась от залпов, одновременно прозвучавших со всех сторон. Мы вытянулись цепочкой в траншею, продолжая движение. Офицеры и унтер-офицеры все время давали команду: «Пригнать голову!» Мы медленно продвигались, часто слыша крики: «Осторожно, бомба!» Одна из таких бомб упала в десяти шагах от позиции нашей роты. Послышалась команда: «Всем лечь на живот». Мы попадали на землю. Но, несмотря на все предостережения, снаряд, разорвавшись, унес жизни двух солдат, трое были тяжело ранены. Все мы были заляпаны землей. Ядра, снаряды и «бискайцы» пролетали над нашими головами, разрушая парашют и ослепляя нас землей и пылью. Несмотря на указания командиров и полеты снарядов, я не мог иногда не выглядывать за парашют, пытаюсь разглядеть, далеко ли мы находимся от Малахова кургана. Но кругом стояло только огромное черно-серое облако дыма и пыли: зрителям с телеграфной горки это явно не нравилось...

Мы шли и шли вперед, достигнув уже последние параллели. Вдруг наши пушки прекратили огонь. В тот же момент со стороны Малахова кургана послышалась плотная ружейная стрельба. Разыгрывалась последняя сцена этой долгой и ужасной трагедии. Наша рота остановилась, ожидая своей очереди атаковать. Мы были в овраге у Малахова кургана: по словам Жюрьена де Гравьера, если бы русские установили еще два орудия на кургане, мы бы никогда не взяли знаменитую башню, ключ к Севастополю. Русские признали это потом, когда было уже слишком поздно... Перед нами проходили пехотинцы с веревками, крюками и лестницами. <...> Со стороны Малахова кургана потянулась назад вереница раненых с головами, обвязанными платками, с руками на привязи, с волочащимися ногами. Некоторых несли на носилках, с которых капала кровь. Ружейная стрельба продолжалась и поток раненых увеличился. Нас предупредили о готовности, и наш капитан Лами призвал нас смело следовать за ним. Мы спрашивали у раненых, как обстоят дела там, наверху, но их ответы были противоречивы: одни говорили, что зуавы уже захватили башню, другие утверждали, что это никогда не произойдет и нами пожертвуют, как это случилось 18 июня. Начали уже поговаривать о предательстве, как вдруг сразу со всех сторон послышались возгласы: «Наше знамя реет над Малаховым курганом! Севастополь — наш!» Наконец, ситуация прояснилась. Стрельба уменьшилась, а затем медленно угасла. Мы оставались на своей позиции вплоть до самой ночи. Потом нас вернули в лагерь. Прибыв на

место, мы получили суп из воды, сала и испорченных галет. Солдаты прозвали этот суп «тюрютин». Едва мы приступили к еде, как со всех сторон слышались команды: «В ружье! Взять с собой вещмешки и лагерное снаряжение!» Для нас, новичков, в этом приказе не было ничего сверхъестественного: Каstellане приучил нас к этому, и наши вещевые мешки были уже готовы, так как мы еще не успели их распаковать. Но бывалые, которые очень давно не собирали и не носили с собой вещмешки, попали в затруднительное положение. Командиры бушевали, топали ногами, стучали плашмя саблями по палаткам, отпуская в сторону бывалых гневные эпитеты. Молодые были уже давно готовы. Наконец, все собрались и мы тронулись в путь. Мы направились в правую сторону, к позициям англичан. Дорога освещалась пламенем горящего Севастополя. Вдруг под нашими ногами содрогнулась земля и раздался страшный взрыв. Посмотрев в сторону Севастополя, мы увидели высоко в воздухе вращающиеся лафеты от пушек, огромные камни, мешки с землей, туры и тому подобное. Это взорвалась первая мина. Затем последовали вторая и третья. Земля продолжала содрогаться. Мне казалось, что сейчас мы все взлетим на воздух или нас поглотит земля. Было давно известно, что все окрестности Севастополя заминированы и предназначены для подрыва противника, осаждающего город. Но нам рассказывали, что наши саперы обнаружили и уничтожили эти мины.

Мы продолжали движение в полной тишине, все время отклоняясь влево, то есть в сторону города, пропавшего из виду, так как мы шли по дну балки. Вот уже два часа, как мы были на марше, не зная, куда мы идем. Наконец, слышалась ружейная стрельба. Это были стычки русских с англичанами. Русские после взятия Малахова кургана, ключа к городу, перешли на другую сторону, так как защищать уже было нечего: весь город был в руинах. Противник хотел застать врасплох часть союзнической армии во время ее отдыха, нанеся удар по победителям с помощью мин, расположенных вокруг Малахова кургана. К счастью для нас, эта хитрость была вовремя раскрыта. Когда русские узнали, что мы идем на помощь англичанам, они отступили, и все было закончено.

На следующий день после взятия Севастополя мы вернулись в лагерь. Но ненадолго. Предстояла еще семимесячная кампания в Байдарской и Бельбекской долинах. Мы вышли в составе 15 000 войска, имея против себя 40 000 армию. <...> Но нас поджидали куда более страшные враги, чем русские: цинга, дизентерия, тиф и холера. Наша уязвимость была связана с плохим питанием и плохим обмундированием. Количество личного состава рот постоянно уменьшалось, несмотря на подкрепление из Франции. Однажды я услышал, как наш капитан говорил старшему сержанту: «Никогда бы не подумал, что малыш Дегине протянет так долго».

Увы, я тоже не выдержал. Вот уже три дня, как я был болен дизентерией. <...> В течение пяти или шести дней я находился между жизнью и смертью. На седьмой день, если я не ошибаюсь, я услышал, как врач сказал санитарам, указывая на меня: «Еще один выкарабкался». <...>

В лазарете находился молодой капрал, поменявший сутану семинариста на солдатскую шинель. <...> Вскоре мы стали большими друзьями. Часто, когда не было холодно, мы совершали прогулки, направляясь в расположение пьемонтцев, большая часть из которых были французы из Савойи и Ниццы. Нам также нравилось посещать англичан, намного лучше обустроившихся, чем мы. Они были лучше одеты, лучше питались. Поэтому у них было мало больных. У англичан даже не было ностальгии по своей стране, так как они считали, что вся Земля принадлежит им. Где бы англичанин ни был: в Америке, в Австралии, в Азии или в Африке — везде он чувствует себя, как дома.

Полки, стоящие лагерем у Севастополя, часто посылали в разрушенный город за дровами большие отряды с вооруженной охраной: было запрещено туда ходить в

одиночку. Мы с другом все же решились вдвоем посетить Севастополь, вернее то, что когда-то им было.

Отправились в путь. Быстро, пригнув голову, мы зигзагами побежали по траншеям и вскоре оказались в черте города. Мы долго блуждали в развалинах, как привидения, проникая иногда в дома, где еще уцелел первый этаж. Вошли в полностью уцелевший домик. Мне показалось, что я у себя на родине: все те же котелки, таганки, глиняные горшки, сковородка, столы и буфеты из дуба, скамьи, табуретки, даже кусок заплесневевшего черного хлеба. Все это заставляло меня представить себе, что я нахожусь в хижине бедных бретонцев. Мы сели на табуретки и мой друг сказал: «Вот к чему приводят войны! Что представляет собой этот город? Кучу развалин — то, что досталось грекам, когда они вошли в Трою после десяти лет осады; то, что досталось римлянам в Карфагене: камни и пепел. Сотни тысяч покоятся здесь, под этими развалинами, все эти молодые парни могли бы еще послужить своей стране, своим семьям, всему человечеству! А жители этого несчастного города, вынужденные покинуть посреди ночи свои жилища, оставив все свое добро, обреченные на нищету и оплакивающие своих детей, погребенных под этими руинами! И все это ради удовольствия и в интересах двух или трех человек, за здоровье которых еще продолжают молиться их народы!...» <...>